

РЕЦЕНЗІЇ

**ВЕЧНО ЖИВОЙ И НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ГОГОЛЬ
(В. И./МАЦАПУРА Н. В. ГОГОЛЬ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭТИКИ. – ПОЛТАВА, 2009)**

Жаркевич Н. М.

200-летний юбилей Н. В. Гоголя актуализировал появление большого количества новых исследований, посвящённых творчеству писателя. Среди них и работа известного украинского гоголеведа В. И. Мацапуры «Н. В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики». Наряду с новыми статьями, в неё органической частью вошли фрагменты и из её более ранней монографии «Украина в русской литературе первой половины XIX столетия (Харьков; Полтава, 2001). Учитывая небольшой тираж предыдущего издания, повторная публикация представляется вполне оправданной.

В жанровом отношении новая книга В. И. Мацапуры представляет собою сборник статей, в котором обращает внимание и привлекает прежде всего широта его научной проблематики: от первых украинских повестей до «Мёртвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Композиционно он чётко структурирован. Помимо вступления (предисловия), роль которого отведена биографии Н. В. Гоголя, в нём выразительно выделяются две части. Содержание первой составляют статьи, посвящённые раннему творчеству писателя. Таковы: «Полемика о «Вечерах» в критике и литературоведении», «Синтез языческих и христианских мотивов в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Полтавский «след» в «украинских» повестях Гоголя (о влиянии В. А. Гоголя и И. П. Котляревского на раннюю прозу писателя), «Козацкий миф в первой и второй редакции «Тараса Бульбы» др. Содержание второй – это работы о произведениях его зрелого творчества: «Ревизор» Гоголя и «Приезжий из столицы» Г. Ф. Квитки-Основьяненко (типологический аспект), «Мёртвые души»: проблема понимания и интерпретации», «Проблематика и поэтика автокомментариев Гоголя «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мёртвых душ», др. Такая компоновка материала, на наш взгляд, вполне оправдана и способствует целостности его восприятия.

Как и всё, что выходит из-под пера В. И. Мацапуры, её новая работа отличается оригинальностью наблюдений и содержательностью выводов. Причем показательно, что большинство проблем, затронутых ею, уже не раз становились

предметом анализа гоголеведов. Но тем и интересно новое исследование автора, что каждый раз она предлагает свой ракурс их видения и понимания, существенно дополняющий и уточняющий уже известное.

В этом плане заслуживает внимания уже вступление к сборнику. Биографических исследований о Н. В. Гоголе, начиная с работ П. А. Кулиша и В. И. Шенрока, напомним, написано очень много. Ни одно из них (отметим в скобках) не может быть признано вполне удовлетворительным. Слишком неоднозначными оказались личность писателя и его судьба. Не закрывая проблему в целом, биографический очерк, составленный В. И. Мацапурой, выгодно отличается от работ предшественников своей концептуальностью. Его краеугольной идеей стала идея жизнотворчества Н. В. Гоголя. Автор не просто пересказывает уже давно известные в научном обиходе факты, но достаточно убедительно пытается показать, как те или иные жизненные обстоятельства привели к появлению гоголевских шедевров.

Попутно, однако, отметим: в ряде случаев исследовательнице всё же не удалось избежать бытующих в гоголеведении штампов. Так, на с. 14 В. И. Мацапура повторяет давно укоренившееся в биографической литературе о Н. В. Гоголе мнение о том, что и сам будущий автор «Ревизора» и «Мёртвых душ» был не лучшим учеником, и школа, в которой он учился, не отличалась высоким уровнем преподавания. Между тем в Нежинской гимназии существовала четырёхбальная система оценивания знаний и опубликованные еще в 1902 году И. С. Сребницким, а в 1951 – Д. М. Иофановым ведомости гоголевской успеваемости давно опровергли такое представление. Правда, на с. 17, в явном противоречии с первым утверждением, она приводит заключение Ю. В. Манна, что по результатам выпускных экзаменов Н. В. Гоголь вошёл в число лучших учеников Гимназии. Но собственная позиция исследовательницы в этом вопросе осталась, к сожалению, размытой.

Несколько удивляет, что такие понятия, как гимназия и лицей, В. И. Мацапура употребляет в одном синонимическом ряду (с. 17), поскольку в

истории школы, в которой учился будущий писатель, они обозначают совершенно разные этапы её существования.

Смушает также и слогка пренебрежительное обращение автора с датами. Так, на с. 11 и с. 37 находим упоминание, что младший брат Н.В. Гоголя Иван умер в 1820 году. А на с. 12 В.И. Мацапура относит это горестное событие в семье писателя к 1819 году.

Но, разумеется, не эти оглошности определяют уровень рецензируемого исследования.

Ввиду того, что статьи, посвящённые украинским повестям, уже получили оценку в научном обиходе, мы не будем на них специально останавливаться. Отметим только, что каждая из них отличается глубоко взвешенной и обоснованной позицией автора. Так, в частности, касаясь давнего спора между П.А. Кулишом и М.А. Максимовичем об этнографической и художественной достоверности “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, В.И. Мацапура, развивая идеи Г. Грабовича и одновременно полемизируя с ним, приходит к заключению, что в первых повестях Н.В. Гоголь воплотил свой миф об Украине, полемически заострённый против европейской и русской литературной практики, неизменно представлявшей Украину как “сокращённый Эдем”, “славянскую Авзонию”, т. п. В “Вечерах на хуторе близ Диканьки”, как справедливо пишет исследовательница, образ Украины “трудно представить в виде каких-то однозначных определений. Это край, в котором танцуются и поется”, своеобразный Эдем, в котором всего в избытке, а летний день “упоителен” и “роскошен”. Бытовое и иррациональное, необъяснимое, светлое и тёмное начала тесно переплетаются в жизни гоголевских героев, а овечные легендами казацкое прошлое представлено в мифопоэтическом свете” (с. 71).

Обратившись к анализу интертекстуальных связей между произведениями И.П. Котляревского (“Москаль-чарівник”), Гоголя-отца (“Простак”, “Собака-вівця”) и автора “Вечеров”, В.И. Мацапура смогла существенно уточнить представление о творческой лаборатории последнего. Вдумчивый текстуальный анализ позволил исследовательнице убедительно показать, как, заимствуя у своих литературных предшественников сюжеты, образы, мотивы, начинающий писатель подчас видоизменял их до неузнаваемости (например, образ Хомы Григорьевича – дьячка-ловеласа и одного из замечательных рассказчиков). Нельзя не согласиться с автором: “Обратившись к литературному опыту своего отца, Гоголь учился мастерству создания комических ситуаций, национальных характеров, простонародных типов, жанровых сцен” (с. 89).

Отправной точкой осмысления казацкого мифа в повести “Тарас Бульба” стало в работе В.И. Мацапуры сравнение её двух редакций в широком литературном контексте (украинский фольклор, казацкие летописи, гомеровская “Иллиада”, “Слово о полку Игореве”, Библия). Как и во всех остальных случаях, скрупулёзный анализ текста приводит исследовательницу к ряду закономерных выводов. Во-первых, все изменения, которые вносит Н.В. Гоголь во вторую редакцию повести, касаются

“не столько сюжета ... , сколько изображения казачества и Запорожской Сечи” (с. 159). Во-вторых, что именно в силу внесённых изменений писателю удалось создать настоящий шедевр, вполне сопоставимый с выдающимися памятниками мировой литературы (с. 187). И, наконец, в-третьих, что в “Тарасе Бульбе” “мифологизация прошлого Запорожской Сечи сочетается с его демифологизацией” (с. 167). Иными словами: в своём произведении Н.В. Гоголь, безусловно, поэтизирует героизм и мужество казаков, но при этом не только не скрывает, но и не оправдывает их жестокость. Последний вывод, думаем, особенно важен, поскольку он оказывается полемически заострённым как против заидеологизированных интерпретаций повести советской эпохи, так и намечающихся тенденций в современном литературоведении видеть в гоголевской повести произведение, способствующие разжиганию национальной розни, а в самом Тарасе Бельбе – антигероя (см.: Матвеева Л. Л. “Повість М.В.Гоголя “Тарас Бульба”: культурний час і проблеми інтерпретації” / Л. Л. Матвеева // Практична філософія. – 2006. – № 1. – С. 32–51).

Такими же строго выверенными и обоснованными представляются и наблюдения В.И. Мацапуры, связанные со спецификой украинских пейзажей, особенностями жанра повести “Ночь перед Рождеством”, синтезом языческих и христианских мотивов в “Вечерах” и в “Миргороде”.

Смысловым центром второй части сборника стали проблемы поэтики. На наш взгляд, безусловно, интересными являются типологические сопоставления исследовательницы сюжетных элементов “Ревизора” и комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко “Приезжий из столицы”, углубляющие представления о поэтическом мастерстве и новаторстве Гоголя-драматурга.

В статье “Индивидуальный стиль Гоголя и его характерные особенности” автор суммирует и обобщает опыт своих предшественников, изучавших данную проблему, органически дополняя его вместе с тем и своими оригинальными наблюдениями. Они связаны с такими приемами, как сочетание обыкновенного и необыкновенного, “остраненные” описания, языковое разноречие, др. В целом она совершенно справедливо характеризует стиль гоголевской прозы как “риторический и орнаментальный” (с. 230), существенно уточняя при этом, что вообще каждое произведение писателя имеет свои стилистические доминанты. Таковыми, по её мнению, в “Вечерах” является “фольклорно-мифологическая образность и юмор, в “Тарасе Бульбе” – стиль народно-песенной поэзии, народной думы, в “Петербургских повестях” – фантастика и гротеск, в “Мёртвых душах” – описательность, лиризм, широкий эпический размах, в “Выбранных местах их переписки с друзьями” – проповеднический стиль” (с. 220).

Заслуживают также внимания и соображения исследовательницы относительно поэтики и функций сновидений в художественной прозе Н.В. Гоголя. Являясь органической частью романтический эстетики, они, как известно, присутствуют на протяжении всего творчества писателя, всегда красочны, живописны и, как убедительно пока-

зывает автор, очень тесно связаны с проблематикой произведения. Но в процессе становления и формирования его творческой зрелости их поэтика и функции усложняются. Если в ранних повестях “Вечеров” сон выражал внутреннее состояние героев (“Майская ночь, или Утопленница”, “Иван Федорович Шпонька и его тётушка”), служил границей, отделяющей одно состояние персонажа от другого (“Вечер накануне Ивана Купала”, “Ночь перед Рождеством”), являлся своеобразным предварением последующих событий (“Страшная месть”), но так или иначе всегда был отделен от яви, то в “Невском проспекте” и “Портрете” грань между сном и явью уже стирается, сновидение психологизируется и превращается в мощный поток сознания.

Общеизвестно, что доминирующее место в поэтике “Мертвых душ” Н.В.Гоголя занимает приём детали, уже не раз привлекавший внимание гоголеведов. Свои предствления о роли и функциях мелочей в этом произведении попыталась сформулировать и В.И.Мацапура. По мысли исследовательницы, такая приверженность писателя к деталям не случайна. Она обусловлена и вытекает из общего замысла Н.В.Гоголя показать в “Мертвых душах” “всю Русь” (с.266). В её поле зрения оказываются детали портретные (психологические), вещные (одежда, интерьер), еды, напитков, карточной игры, цветовой гаммы, звуковые, др. Многие из них, уже бывшие предметом исследовательского комментария, в интерпретации В.И.Мацапуры, обладающей удивительной способностью вчитываться в хрестоматийно известный текст, приобрели дополнительные смысловые оттенки. Таковы, например, катушка с двойным дном Чичикова, его “брусничного цвета с искрой” и “цвета наваринского пламени” фрак или знаменитая плюшкинская “куча”. Последняя, как справедливо подчёркивает автор, есть у каждого гоголевского персонажа: у Манилова – это табак, который “насыпан был просто кучею на столе”, у Коробочки – это “узенький дворик” перед её домом, где “индейкам и курам не было числа”, у Ноздрева – это “жомуты, курительные свечи, платки для няньки, жеребец, изюм, <...>, голландский холст, крупчатая мука, табак, пистолеты, селедки, картины, <...> горшки, сапоги”, которые он покупал в лавках после выигранных (с.272–274).

Следует уточнить, что В.И.Мацапура в своей статье не ограничивается анализом деталей, характеризующих преимущественно главных героев гоголевской поэмы. Внимание исследовательницы привлекают подробности, имеющие отношение и к её второстепенным персонажам, вроде “двух русских мужиков”, рассуждающих, доедет ли колесо чичиковской брички до Казани или только до Москвы. По её мнению, детализированное описание и тех, и других в произведении Н.В.Гоголя и создаёт широкую панораму русской жизни, в соответствии с писательским замыслом даёт возможность ярко представить образ нации и народа в целом.

Отметим также филигранную чистоту и точность научного языка исследовательницы.

Вместе с тем отдельные наблюдения и выводы автора рецензируемого сборника, с нашей точки

зрения, вызывают полемические замечания. Одно из них связано с вопросом об интерпретации “Мёртвых душ”, которую предлагает исследовательница в соответствующей статье. Сразу же оговоримся: мы разделяем существующую в современном гоголеведении точку зрения относительно того, что проблема восприятия произведения существует и что в нём, “наряду с пафосом отрицания, присутствует и пафос утверждения” (с.250). Однако, думаем, что связывать последний в том числе и с главными героями поэмы, как это пытается сделать исследовательница, вряд ли оправдано. Разумеется, все помнят, что Н.В.Гоголь настаивал: “Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми” (Гоголь Н.В. Соч. : в 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 260). Настаивал. Но не прибавил! Ни в первой публикации 1842 года, ни в 1846, когда готовил второе издание “Мёртвых душ” и когда процитированные выше слова уже были написаны.

Общеизвестно, что “Выбранные места...” при всей её исповедальности и искренности – очень сложная и противоречивая книга и, на наш взгляд, далеко не всё, что в ней написано, можно воспринимать буквально. В том же письме, где он пытается защитить своих героев, он неоднократно подчёркивает их отрицательные качества. Напомним: “один за другим следуют у меня герои, один пошлее другого”, “нет ни одного утешительного явления” (Там же), “не думай... чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои” (Там же, с. 264. Выделено нами – Н.Ж.). И как финальный аккорд в последнем из четырёх писем по поводу “Мёртвых душ”: “... бывает время, когда нельзя устремить общество ... к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости” (Там же, с. 266). Иными словами, Н.В.Гоголь хотел вызвать у читателя отрицательную реакцию на главных героев своей поэмы, и он сделал всё, чтобы тот их увидел и понял именно такими. Безусловно, ни один из гоголевских помещиков или чиновников не является “злодеем” в уголовном плане. Но все они страшны в плане моральном. А значит, никоим образом не могут быть прощены или оправданы, чего, хотя и непоследовательно, уже задним числом добивался их создатель.

В этом плане выскажем и ещё одно соображение. С нашей точки зрения, в оценке и интерпретации гоголевской поэмы и её героев вряд ли корректно сближать позицию С.А.Шевырева (“мы догадываемся, что, кроме свойств, в них теперь видимых, должны быть еще и другие, добрые черты...”) и А.И.Герцена (“Но то, что у Шевырева является намеком, в дневнике А.И.Герцена звучит, как прописная истина, не требующая доказательств... “Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он (Гоголь – В.М.) видит удалую, полную сил национальность...” (с.249). К сожалению, исследовательница цитирует высказывание последнего по известной хрестоматии критических материалов “Русская литература XIX века” (сост. М.Я.Зельдович и Л.Я.Лившиц. – М., 1964), где оно представлено фрагментарно. В контексте же полной дневниковой

записи совершенно очевидно, что слова “национальность”, “упование на будущее” А.И.Герцен употребляет отнюдь не по отношению к гоголевским помещикам, а к народу. Буквально следующее предложение, которое продолжает приведенную В.И.Мацапурой цитату, звучит так: “Я часто смотрю из окна на бурлаков, особенно в праздничный день, когда, подгулявши, с бубнами, пением, они едут на лодке; крик, свист, шум. ... и потом в бурю – какая дерзость, смелость...” (Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. – М., 1954. – Т. 2. – С. 214–215).

Ограниченные рамки жанра рецензии не позволяют подробно комментировать ещё одно высказывание А.И.Герцена по поводу “Мёртвых душ”, которое автор цитирует на с.250 и тоже без учета общего контекста. Приведём лишь заключительные размышления автора “Былого и дум” о поэме Н.В.Гоголя и её героях: “Пушкин в “Онегине” представил отрадное человеческое явление в Владимире Ленском – да и расстрелял его, и за дело: что ему оставалось делать, как не умереть, чтоб остаться благородным, прекрасным явлением? Через десять лет он отучнел бы, <стал бы> умнее, но все был бы Маниловым”.

Довольно противоречивыми представляются соображения В.И.Мацапуры и в связи с образом Чичикова. Думаем, у самого Н.В.Гоголя вряд ли возникали сомнения, как они возникли у исследовательницы, относительно того, что “приобретение – вина всего...”, и одной из причин чичиковской жадности накопительства он считал бедность (с.254). Ведь в сокровенных глубинах души своего героя, которые тот прятал “от света”, писатель как раз и обнаружил руководившую всеми поступками Чичикова и превратившую его в “подлеца” страсть к “приобретению”. И под “человеческой бед-

ностью”, которую Н.В.Гоголь предлагает читателю обнаружить с его помощью в его герое, он скорее подразумевает бедность чичиковской души, обезличенной страстью к обогащению, а не безрадостное детство мальчика. Напомним, что весь пассаж, завершающий жизненную историю главного героя поэмы, писатель начинает с размышлений о его нравственных качествах. Во всяком случае, знак вопроса, которым исследовательница предлагает закончить гоголевское утверждение “приобретение – вина всего...” производит менее убедительное впечатление, чем её же высказывание о том, что “все многообразия жизни со всеми богатствами её душевных проявлений” не может “сводиться к “копейке” (с.254).

В заключение выскажем еще одно сомнение. Анализируя украинские повести Н.В.Гоголя, исследовательница широко пользуется термином “миф”, “мифопоэтика”, “мифопоэтический”. Согласимся: в современном гоголеведении это очень активно употребляемый термин. Но нетрудно заметить, что содержание, которое вкладывают в него и В.И.Мацапура, и другие авторы (контраст, гипербола, яркость красок, использование фольклора), еще недавно определялось понятием “романтизм”. К слову, сам миф ещё при возникновении романтического направления стал краеугольным камнем его эстетики. Достаточно вспомнить иенских романтиков. Думаем, что понятие “романтический образ Украины” шире, чем “мифопоэтический”, а значит, и связанные с ним представления более выразительны.

В целом же представляется, что рецензируемый сборник статей В.И.Мацапуры – важный и нужный вклад в современное гоголеведение. И все, кто серьезно интересуется творчеством Н.В.Гоголя, прочтут его с большой пользой и интересом.